ЛЕРА АЛМА РУН

Бюро исправления случайностей

ЧАСТЬ 3

ФОРМУЛА РАВНОВЕСИЯ

Лера Алма Рун

Бюро исправления случайностей
Часть 3 Формула равновесия

«Автор»
2026

Алма Рун Л.

Бюро исправления случайностей Часть 3 Формула равновесия / Л. Алма Рун — «Автор», 2026

Три года назад Вера была лучшим агентом Службы Равновесия: восемьсот сорок две коррекции, ни одного сбоя. Теперь она бариста в кафе «Бутон & Зерно» и живёт с Артёмом — архитектором, единственным человеком в городе, который не поддаётся коррекциям, а ещё и проявляет их следы, как лак проявляет реставрацию. Когда Ревизор выносит вердикт — эмоциональная скомпрометированность, Протокол Забвения, сорок восемь часов, — Вера делает то, чего не допускает регламент: ворует личное дело объекта и готовится выбрать его судьбу сама. Впервые за историю Службы стирание памяти не срабатывает: резонанс в радиусе одного метра делает противоречия видимыми. Тогда Бюро меняет тактику — Берлин, оффер мечты, тридцать минут на подпись. Чтобы спасти любимого, Вера отдаёт главное: свой дар. И остаётся обычной женщиной с обычным кофе — но с памятью, в которой записаны все координаты мира. Городская сказка о равновесии, которое впервые держит не за руку, а за сердце.

© Алма Рун Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Геометрия остывающего фарфора 5
Глава 2. 8
Иммунитет к тонким материям 8
Глава 3. 12
Зонт для человека без воображения 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Бюро исправления случайностей Часть 3 Формула равновесия

Геометрия остывающего фарфора

Апрель в этом городе не наступал — он просачивался. Сначала с крыш, звонкими капельными пульсами, потом из-под снежной корки, которую держали за пояс лужи-самозванки: сверху серые, снизу — небо. К девяти утра улица дышала мокрой землёй, и редкие прохожие несли на себе запах талого асфальта и невыспавшихся решений.

Я открывала «Бутон & Зерно» в семь сорок, как всегда. Сначала кофемашина — погреться, пошипеть, устроить утренний концерт на пару гудков. Потом поливалка: после воскресенья витрина была забита вербой и тюльпанами, и первый весенний заказ успел расцвести в очереди ещё до оплаченного счёта. Наконец круассаны — в печь, на пять минут, чтобы к первым гостям хрустели, как ледяная корка на апрельской луже.

Тепло кофе, влажная зелень, горячий воздух из печи. Всё по нотам. За пять месяцев я почти вспомнила, каково это — не дрожать. Ноябрь остался позади: узел, изъятие, слово «послезавтра», которое потом растянулось на всю зиму.

Явка в отдел состоялась в декабре, ровно в десять. Мельников в сером пальто протирал очки краем шарфа и объяснял, что изъятие отложено, потому что «не повлияет на судьбу живых людей». Условная ставка. Урезанный допуск. Вместо блокнота с серебряным обрезом выдали жетон — маленький, как монета из сувенирного автомата. Блокнот всю зиму молчал. Но грел. Я давно перестала удивляться вещам, которые мне не объяснили.

Зиму мы с Артёмом прожили по правилам: две чашки, завтрак, и его главное условие — больше ничего не решать друг за друга. Я соблюдала его почти безупречно. «Почти» — моя фирменная погрешность, её не значится ни в одном допуске. Бюро тем временем пересчитало мои коррекции и остановилось на восьмистах сорока двух.

В кармане фартука жетон зазвенел. Коротко. Уверенно. Как будто знал, что скажет дальше.

Я вытерла руки и достала его. На холодном металле проступили строки:

«Объект: Соколов Артём Валентинович. Задача: содействовать естественной встрече с инвестором Гребенниковым. Время: 10:15. Способ: мягкий. Инструменты: случайность».

Я подняла взгляд к угловому столику у окна.

«Объект» сидел там с половины девятого. Мой Артём, оккупировавший столик тонной кальки, тремя чертёжными рулонами и макетом из пенокартона — городом будущего, который решил пожить скромнее. «Северный квартал» — так он называл реконструкцию старых домов на участке четырнадцать — двадцать два у Лазаревской. Тот самый квартал. Наш двор с клумбой, который пережил ноябрь, а потом, к моему неудобству, пережил и легализацию: впервые в жизни несогласованное стало согласованным, и теперь поверх двора строили проекты.

— Вы издеваетесь, — сказала я чашке. Чашка, в отличие от Бюро, умела молчать деликатно.

— Уже отвечаю, — сказал Артём, не поднимая головы. — Ты два года разговариваешь с посудой. Я привык.

Задание было абсурдным с любого края. Бюро привыкло отправлять меня к чужим людям, которым нужен был лёгкий толчок: собеседование в девять, потерянный зонтик, забытая визитка. А тут — человек, который живёт со мной, пьёт мой кофе и каждую ночь возвращается к генплану с кофейным пятном посреди «Северного квартала». Пятно мы так и не

затёрли. Он вписал его в проект как «озеро». Я втайне называла его озером Гребневым и вслух не признавалась — мне нужны были хоть какие-то секреты, которыми Бюро не владеет.

— Кофе? — спросила я, поднося его свежий американо.

— Я не заказывал.

— За счёт заведения. Акция: «Пролей кофе — получи счастье».

— Я уже получил, — сказал он ровно. — Пять месяцев назад.

Я отступила к стойке и почувствовала, что щёки включают отопление в неположенное время года.

План был прост: в 10:15 в кафе войдёт Гребенников. Мне следовало устроить так, чтобы Артём «случайно» уронил папку с генеральным планом к ногам вошедшего.

Проблема была в том, что Артём не ронял бумаги. Он их складывал.

Я попробовала сквозняк: распахнула дверь навстречу апрельскому ветру, пахнущему талой водой и пылью, отбитой у зимы на короткой дистанции. Артём, не поднимая глаз, придвинул папку на пятнадцать сантиметров влево и прижал её локтем. Ветер прошёл мимо, обиженный.

Я попробовала стул: сдвинула его на полпути между столиком и дверью. Через минуту Артём встал, отнёс стул на место и выровнял по линии плинтуса — так, будто стул лично оскорбил его симметрию.

Третьей попыткой стала кружка с кипятком у кальки. Пар туманил поверхность. Артём заметил, передвинул кружку и посмотрел на меня поверх чертежа:

— Ты сегодня работаешь громко.

— Я работаю как всегда.

— Как всегда ты бесшумна. Сегодня ты двигаешься по невидимым линиям, как курьер, которому доверили посылку, а он не знает, кому её вручать. Что в папке?

— Ничего.

— Ты держала её обеими руками и на третьей секунде вспомнила, что руки заняты подносом. Я замерял. Я замеряю всё, что повторяется.

«Иммунитет к тонким материям» — я когда-то говорила это о нём как о шутке. Теперь это была инструкция по применению, и прилагалась она ко мне.

К половине одиннадцатого я поняла: тонкие касания не работают. Не потому, что я разучилась. Потому что объект — мой человек, а рядом со своими магия разворачивается задом наперёд. Оставалось одно: подойти и сделать это самой.

Я взяла поднос с двумя чашками — зачем-то с двумя, рука сама — и направилась к угловому столику. Ножку стула я вспомнила за полсекунды до того, как о неё споткнулась. Поднос качнулся. Чашки зависли на долю мгновения, как испуганные птицы над лужей, — и одна из них, полная, с американо, выбрала падение.

Жидкость выплеснулась на чертёж. Генеральный план «Северного квартала» впитал кофе с достоинством — молча, пятном, расползающимся от «озера» к северной границе участка.

В «Бутоне & Зерне» стало очень тихо. Даже кофемашина постеснялась шуметь.

Артём поднял голову. Усталые серые глаза — и в них смешались два природных бедствия: апрельский ливень и бухгалтерская ошибка.

— Ты разрушила концепцию жилого квартала, бариста, — произнёс он ледяным, усталым тоном. — Надеюсь, твой кофе хотя бы стоил этих жертв.

«Бариста» — так он звал меня первые недели, до набережной, до шарфа, до всего. Прозвище прижилось и осталось: где-то между счётом и комплиментом.

— Он был хорошим планом, — сказала я. — Симметрия — отличная.

— Симметрия — не единственная добродетель. Кварталы без зелёного кольца — это серые соты, — он достал салфетки и начал промакивать чертёж, складывая их в ровные пря-

моугольники, как будто это был профессиональный ритуал. — Кстати. Пятый раз за месяц. Та же ножка.

— Пятый раз — это уже не случайность. Это планировочное решение.

— Тебе, кажется, нравится, когда я спотыкаюсь.

— Мне нравится, когда ты рядом, — сказал он ровно. — Спотыкание — побочный эффект. Приятный.

Дверь звякнула. Ровно 10:15.

Мужчина в сером пальто с идеальной посадкой оглядел зал и сразу нашёл взглядом угловой столик. Гребенников шёл прямо к нам, как будто всю жизнь мечтал о разговоре с архитектором, у которого кофе на чертеже.

— Артём Валентинович? — он протянул руку. — Мы видели рендеры «Северного квартала». У меня к вам деловое предложение.

План сработал — не так, как был написан. Инвестор сам споткнулся об этот столик, как я — о ножку стула.

Они говорили о балках, ветровых нагрузках и зелёном кольце. Артём — про жилую среду и человеческий масштаб, Гребенников — про деньги и сроки. Я отошла к стойке, вытерла стол, которого не трогала, и слушала вполуха.

Жетон зудел с лёгкой иронией: «Задача выполнена. Дальше — по ситуации».

А потом Гребенников сказал фразу, от которой у меня похолодели пальцы:

— Кстати, о участке четырнадцать — двадцать два. Юристы спрашивают, что делать с несогласованной растительностью во дворе. И с этой стеной. Мне донесли, что в кладке есть странность. Экспертиза обещает несущую способность выше расчётной. Это вообще как? Стена, которая держит лучше, чем должна?

Несогласованная растительность. Наш двор. Клумба, которую когда-то поливала женщина с лейкой, а потом мы с Артёмом — и весь квартал делал вид, что так было всегда. И «странность в кладке». Шов, который не погас. Он ждал. Я думала, это была метафора.

Артём ответил спокойно, и его спокойствие было хуже любого спора:

— Двор останется. Это условие проекта. Что касается кладки — поезжайте и посмотрите. Иногда старая стена держит лучше новой по причинам, которые не описаны в нормах.

— Мне нравится, когда вы так говорите, — сказал Гребенников и хохотнул. — Как будто вы знаете про дом то, чего не знаю я.

Он знал ровно то, что не должен был знать. И я знала, откуда это «донесли».

Жетон в кармане замер. Впервые за зиму он не звенел. Он слушал.

Вечером, закрывая кафе, я достала его и прочла новую строку: «Задача выполнена. Примечание: следите за двором».

— Инструменты: случайность, — сказала я металлу. — Никакой случайности в этом утре не было. Была я, ножка стула и твой «озёрный» генплан. И ещё одно: я снова споткнулась о человека. Не о стул — о человека. Второй раз за два года.

А я стояла в тёплом тёмном кафе и понимала: пугает меня не задание. Пугает, что Бюро снова смотрит на наш двор. И что на этот раз мы с Артёмом — не случайность, которую можно подстроить. Мы — условие, которое нельзя отменить.

Глава 2.

Иммунитет к тонким материям

За ночь апрель решился на ливень, а утром передумал и оставил вместо него стеклянную тишину. Капли с карниза падали редко, но точно, отмеряя время, как метроном, у которого нет других дел.

Я пришла к открытию на двадцать минут раньше. Впервые за пять месяцев. Себе я не призналась зачем — просто руки, пока я шла по мокрому асфальту, сами проверяли, в каком кармане жетон, а мысли упрямо возвращались к вчерашней строке: «Следите за двором».

Лена встретила меня взглядом человека, который два года наблюдал, как я сжигаю круассаны по причинам, не имеющим отношения к выпечке.

— Ты репетировала, — сказала она.

— Что?

— Разговор с Бюро. У тебя лицо генеральной репетиции.

— У меня обычное лицо.

— Обычно у тебя лицо. Сегодня — репетиция.

Я не стала спорить и вместо этого разлила лавандовый сироп по стаканчикам. Лаванду я терпеть не могла. Варить её научилась всё равно — на такие иронии у Бюро хороший нюх. Из печи Лена вытащила противень с одним-единственным круассаном: ровным, золотистым, подозрительно идеальным.

— Он мстительный, — сказала она. — Испёкся за твою вчерашнюю осечку. Отнеси его объекту.

— Он не объект. Он мужчина, с которым я живу.

— Для Бюро — объект. Для меня — повод вручать тебе два круассана: мстительный и прощальный. Первый съешь сама.

В половине десятого Артём вошёл с той ровной скоростью человека, который никуда не опаздывает и никуда не спешит. На плечах сухой плащ, хотя утром лило, как из опрокинутого ведра.

— Ты что, ещё и погоду под контроль взяла? — не удержалась я.

— Напротив, — он уселся за свой столик. — Погода взяла под контроль меня. Я просто выхожу за десять минут до её настроения. Прогнозы — это архитектура без несущей способности.

— Доброе утро тебе тоже.

— Доброе. Что двор?

— Двор в порядке. — Я проверила его в семь утра, до включения света, стоя в пальто над клумбой, как сумасшедшая соседка. — Рассада поднялась на два сантиметра. Ровно столько, сколько ты обещал в марте.

— Я не обещал. Я рассчитал.

— Тебе нельзя разговаривать с рассадой. Она от тебя становится точной.

Директива Бюро на сегодня была лаконичной: «Способствовать дальнейшему контакту. Углубить доверие объекта к агенту. Инструменты: любые, кроме очевидных». Бюро, как всегда, было щедро на формулировки и скупо на расшифровку. Контакт у нас состоялся два года назад и с тех пор углублялся без служебной помощи — спросите у кофе в его чашке, у шарфа на перекладине, у ключей от моей квартиры в его кармане. Но Бюро редко смотрит на факты, когда может смотреть на отчётность.

Первый план был прост: звонок. Позвонить в кафе с уличного номера, чтобы телефон Артёма завибрировал в момент, когда рядом пройдёт... никто. Ладно, план был провальный с самого начала, но я привыкла импровизировать.

Я вышла на крыльцо, набрала номер кафе и замерла у окна. Внутри зазвонил стационарный телефон. Мобильный Артёма беззвучно лежал экраном вниз, как будто тоже был на стороне Бюро.

Он поднял глаза. Наши взгляды встретились через стекло.

«Отлично, — подумала я. — Теперь я женщина, которая звонит в собственное кафе, стоя на улице, и смотрит на человека, с которым живёт. Прогресс заметен даже без приборов».

Я вернулась внутрь с лицом, у которого не было ни одного честного объяснения.

— Забыла что-то? — спросил Артём без тени улыбки.

— Проветрить телефон.

— Разумно. У телефонов тоже бывает кислородное голодание.

— Реабилитационный завтрак, — сказала я, ставя перед ним кофе и мстительный круассан. — Считай это гуманитарной помощью разрушенному кварталу.

— Ты кормишь всех, кого обливаешь кофе?

— Только избранных. Это привилегия жертв.

— Принято. Впрочем, я всё равно не верю в совпадения.

— А во что веришь?

— В нагрузку, момент и график поставок. Остальное — декоративный слой.

Он сказал это ровно, без насмешки, — и от этой ровности стало только хуже. Он всё видел. Вчерашний сквозняк, передвинутый стул, кружку с кипятком у кальки. Он не объяснял это магией — он собирал всё в одну рабочую гипотезу. И гипотеза у него уже была готова.

Вторая попытка: светофор. За окном, на перекрёстке, стоял старый светофор, который Бюро традиционно считало управляемым. Я знала: если щёлкнуть пальцами в нужном ритме, зелёный удержится на семь секунд дольше. Зачем мне семь секунд и куда их потратить, я не знала. Но дирижёрское чутьё требовало дирижировать.

Я подошла к витрине «протереть стекло» и щёлкнула пальцами. Светофор сменил цвет. Артём даже не повернул головы.

— Красный, — сообщил он. — Как обычно. В десять сорок он всегда красный. Я замерял.

— Ты замерял светофор?

— У меня плохая привычка. Я замеряю всё, что регулярно повторяется. — Он наконец повернулся. — Кстати, светофор на Лазаревской ты умеешь подстраивать. Две секунды раньше зелёного. Сама признавалась — зимой, над третьей чашкой.

— Ты не должен был помнить это так подробно.

— Я замерял. В обоих смыслах.

Он произнёс «замерял» так, что между статистикой и обещанием не осталось зазора. Я почувствовала, как щёки снова включают отопление. Сезон у них короткий. Спасибо и на этом.

— Ты третий день двигаешься между столиками по одним и тем же линиям, — продолжил он. — Часы смотришь на пятнадцатой и сорок пятой минуте. Вчера принесла мне кофе, который я не заказывал. В архитектуре это называется избыточной декоративностью.

— Чтобы поговорить с тобой, мне не нужно...

— Мне и говорю. — Он не отрывая взгляда смотрел на мои ресницы, которые предательски дрожали. — Чтобы поговорить со мной, тебе не обязательно было заливать меня кипятком. Достаточно было подойти и сказать: «Доброе утро». Сэкономила бы чертёж, круассан и один светофор.

— Никто тебя кипятком не заливал. Кофе попал в чертёж.

— Поэтому я и говорю: избыточная декоративность. Ты даже свои провинности приукрашиваешь.

— Я не провинилась. Я выполнила задание.

— Ага. Задание. — Он откинулся на спинку стула. — Передай ему, что следующие «случайности» я буду принимать лично. Стол у окна, одна свободная фамилия в списке. Приходи как есть.

В кармане фартука зазвенело. Жетон вибрировал мелко, сбивчиво, как аппарат, который фиксирует пульс владельца и приходит в недоумение от полученных данных. Я прижала ладонь к карману. Вибрация не совпадала с моим сердцебиением — я проверяла. Она шла в противофазе, будто прибор слушал не меня.

— Ты краснеешь, — заметил Артём. — Это тоже избыточная декоративность?

— Это заводской дефект. Со дня выпуска.

— Понимаю. У меня такой же. Я говорю комплименты через чертёжные термины. Плита у тебя... то есть — ты красиво стоишь у окна.

Пауза длилась ровно столько, чтобы оба успели мысленно отмотать назад и притвориться, что этого не было.

За окном капель простучала такт. На мокром перекрёстке светофор без всякого колдовства сменил цвет на зелёный — просто потому, что ему было положено. Мимо витрины прошла Елена Сергеевна с авоськой и не оглянулась на наши чашки — впервые за месяц. Мир работал по своим обычным правилам, и я с удивлением поняла, что впервые за долгое время меня не тянет ничего подправлять.

На перекладине у кофемашины висел его шарф. Появился ещё в марте и с тех пор не покидал кафе дольше суток. «У тебя чаще мёрзнет», — объяснил Артём однажды. Я не нашла, что возразить: возражения тоже декоративный слой.

— Твой кофе остывает, — сказала я вместо ответа.

— Он всегда остывает, когда я разговариваю. Поэтому я не разговариваю. Исключения, как видишь, случаются.

— Что-то сломалось в графике поставок?

— Нет. Что-то появилось в графике, чего там раньше не было. — Он откусил от миндального круассана с той же инженерной точностью, с которой подписывают акты приёмки. — Миндальный. Приемлемо. Лаванду в сиропе тоже чувствую.

— Это фирменный вкус. Миндаль и капля лаванды.

— Знаю. Я дважды описывал его в пояснительной записке к реконструкции. Как «запах сохранённой среды». Юристы решили, что я шучу.

Это было всё, что он сказал. Но я слышала то, что между строк: «В шесть будем считать шаги до шва».

Вечером, закрывая кафе, я достала жетон. На металле дрожащими буквами проступила строка отчёта: «Контакт установлен. Объект активен. Выявлена резонансная плотность вероятности в радиусе одного метра от объекта. Источник: носитель. Рекомендация: избегать личной вовлечённости».

Я перечитала дважды. Не «не разрушайте момент» и не «не влюбляйтесь в объект» — штампы я понимаю сразу. «Резонансная плотность». Рядом с ним противоречия перестают быть невидимыми. Я знала это со времён узла: его иммунитет работает в обе стороны. Он не только не поддаётся настройке — он проявляет её следы. Теперь следы появились на приборе, который висит у меня на кармане. Радиус — один метр. Наш радиус. Мы существуем в нём постоянно.

Я смахнула надпись рукавом фартука и сказала жетону так же тихо, как утром чашке:

— Слушайте, а вы вообще пробовали не раздавать советы? Ставка у меня условная. И вовлечённость у меня тоже условная. Почти безусловная.

Жетон промолчал. Деликатно. Как настоящая чаша.

А потом, уже у двери, я обернулась на угловой столик: две чашки — его и моя. На его чертеже кофейное пятно-озеро ловило свет уличного фонаря. И где-то за этим светом, через квартал, в старой кладке тихо светился шов.

Не погас. Он ждал.

И теперь он ждал не одного меня.

Глава 3.

Зонт для человека без воображения

Дождь пришёл к закрытию — без звонка и без предупреждения, как проверка, о которой не предупреждают. Весь день апрель изображал лето, витрина пахла тёплым стеклом и сиренью из соседнего двора, а к семи вечера небо сорвалось и вылило на город всё, что копило с марта.

Лена ушла в шесть — у неё генеральная репетиция. Настоящая, в концертном зале, но я не исключала, что и у нашей с Бюро пьесы тоже идёт генеральная. Я гасила витрины по одной: остывший кофе, пустые столики, букеты, которые к вечеру уже не старались пахнуть на полную мощность. Последним погас угловой столик — потому что под ним по-прежнему сидел объект.

Артём ждал курьера. Дирекция Гребенникова прислала на согласование исправленные чертежи, курьер обещал быть к пяти, к шести и, наконец, извинился и сказал «часов к восьми». Артём сидел над калькой с лицом человека, который не может уйти, потому что уход означает признать: график поставок — это теория, а не наука.

— Он придёт, — сказала я, вытирая стол рядом. — Курьеры в этом городе приходят. Иногда даже с тем, что везли.

— В этом городе курьеры приходят с точностью светофора. То есть никогда, — он свернул кальку в трубу с инженерной нежностью. — Всё. Печатать здесь нечего. Пойду пешком.

— По дождю? С чертежами?

— По дождю. Чертежи в водонепроницаемой папке. Папку я испытывал лично. Пять литров воды за пятнадцать минут. Внутри сухо.

— А ты?

— Я не в проекте.

Это была его фраза. Я слышала её сто раз за два года и дважды — как прогноз погоды. Проблема была в том, что сегодня она звучала не как шутка, а как инвентарная ведомость: папка — защищена, человек — нет.

В фартуке зудел жетон. Вчера вечером на нём проступила новая строка: «Рекомендация: избегать личной вовлечённости вне рабочих протоколов». Бюро писало это так, будто речь шла о соляной кислоте, а не о человеке, с которым я живу и по которому считаю круассаны. Условная ставка предполагала условную жизнь. Я читала строку и мысленно подписывалась: с оговорками.

Артём натягивал плащ у двери, когда я решилась.

— Погоди. — Я вытащила с антресолей зонт. Большой, клетчатый, из тех, под которыми помещаются двое, один из которых врёт, что не промок. — Ты забыл, что существуют зонты. Твои чертежи защищены, а архитектор собирается идти как несущая конструкция открытой застройки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.